

12.09.91

Монтандон А.

ИНТЕРВЬЮ ДАЮТ «ЗВЕЗДЫ»

«Весь мир» показывает «Орестею»

Впервые в практике мирового театра такое фундаментальное для европейской культуры произведение, как «Орестея» Эсхила, сыграно актерами интернациональной труппы во главе с известным на Западе режиссером Франсуа Роше. Это также первый опыт сотрудничества советских актеров с их коллегами из Швейцарии, Норвегии и США. Проект был задуман и реализуется таким образом, чтобы «Орестею» увидела прежде всего публика тех стран, чьи представители принимали участие в создании спектакля. Премьера состоялась в июне 1991 года в рамках Международного фестиваля искусств в г. Бергене (Норвегия). Спектакль дал свое имя фестивалю «Орестея-91», который был посвящен 700-летию Швейцарской Конфедерации и проходил в сентябре в Сернье (кантон Невшатель, Швейцария). Советскую сторону в этом проекте представляет Международный театральный центр «Весь мир». С 12 по 25 октября «Орестею» увидят московские зрители (на Новой сцене Таганки).

Мы попросили рассказать о своей работе исполнителей центральных ролей — Игоря КОСТОЛЕВСКОГО, одну из наиболее известных швейцарских актрис Лоранс МОНТАНДОН, звезду европейской сцены Мишеля КУЛЬМАННА.

Игорь КОСТОЛЕВСКИЙ

— Я согласился сразу. Именно потому, что сама идея выглядела безумной, задача — репетировать по-английски, играть во французской версии на французском, в норвежской — по-норвежски — казалась невыполнимой. Но некогда было размышлять об этом подолгу. Надо было учить языки. Репетировать. Спустя месяц после начала работы — сыграть фрагменты обеих версий на обоих языках. Конечно, я не могу сказать, что в совершенстве владею английским или французским. Но когда в процессе репетиций от меня ускользали какие-то языковые нюансы, выручала изначальная вера режиссера в мои возможности, в мое знание того, как нужно играть. «С первого взгляда» установился удивительный эмоциональный, человеческий контакт между актерами и режиссерами.

Я всегда верил в потенциальные возможности творчества, а между тем очень часто оказывался в положении ученика, экзаменуемого, испытываемого, в конце концов был простым исполнителем некоего творческого задания. Пришла пора что-то менять, в чем-то меняться. Конечно, это — подарок судьбы, такое совпадение внутренней профессиональной, духовной ситуации и внешних обстоятельств. Здесь все оказалось новым и неожиданным. Во-первых, возможность прорыва в иное культурное пространство. Во-вторых, принципиально иная система профессиональных взаимоотношений в интернациональной труппе, где все друг другу интересно, где никто и ничто не мешает творческому процессу. Франсуа Роше — удивительный человек. Вера в актеров лежит в основе его взаимоотношений с ними. Быть может, он и подвергал в какой-то мере сомнению мои профессиональные возможности, но ни разу не дал мне этого понять. Он любит актеров и ко всем предвзвешивает одинаково высокий счет. А ведь мы все тоскуем о любви, ищем и взыскуем ее. Я сам, принимая всякую режиссуру, в том числе — основанную на безоговорочном подчинении актера режиссеру, все же думаю, что самые хорошие дети рождаются там, где любят друг друга. В-третьих, я не избалован количеством — да и качеством — театрального материала, и потому был счастлив работать сразу над тремя ролями совершенно разного плана — ролями Вестника, Старца и Аполлона. Надо сказать, что в этой работе мне пригодился весь накопленный мной профессиональный опыт, опыт актера русской школы психологического переживания. Им я старался по возможности делиться, ибо ощущал живой интерес коллег-актеров из других стран.

Видите ли, мы живем и работаем так, будто это какой-то черновой вариант нашей судьбы, а впереди еще есть лет двести, чтобы все исправить и переписать заново. Я согласился участвовать в «Орестее», если хотите, вопреки самому себе, вопреки собственным страхам, неуверенности, внутренней усталости. Конечно же, я хочу, чтобы зрители оценили «Орестею» по достоинству. Но прежде всего я думаю о том, насколько это было нужно мне самому — как актеру и как человеку. Я не хочу быть сытым и самоуверенным и, кажется, понял, как избежать этого.

Лоранс МОНТАНДОН

В отличие от советских актеров я имею большой опыт совместной работы с Мишелем Виала и Франсуа Роше. Виала — интересный драматург и поэт, прекрасный переводчик. Его версия «Орестеи» отвечает духу эсхиливской трилогии и в то же время близка современному мышлению.

Тема человека в экстремальной ситуации, в ситуации выбора остается актуальной во все времена. Для меня Клитемнестра — прежде всего мать, чье дитя приносится в жертву амбициям военачальников. Вдвойне ужасной эта жертва становится оттого, что убийца Агамемнон — отец Ифигении и супруг Клитемнестры. Она переживает не только смерть дочери, но и крушение своей любви, своей веры. Я хочу защитить Клитемнестру, в которой чаще всего видят неверную жену, вероломно убивающую победителя Трои в день его триумфального возвращения на родину. Мать, потерявшая дитя, — это самый трагический образ, какой вообще возможен в истории и в культуре.

Мы все воспитаны на русской литературе, испытываем величайшее уважение к стране и очень хотели работать с ее представителями. Мне, как актрисе, наиболее интересен не политический аспект трилогии, а психологическая ситуация моей героини. Именно с этой точки зрения я присматривалась к работе советских актеров, ибо глубокое эмоциональное переживание роли — их наиболее сильная сторона. В одной из ключевых сцен «Агамемнона», уже многократно нами сыгранного, я каждый раз испытываю самый настоящий страх. Я твержу себе, что это всего лишь спектакль, что передо мной мой партнер Игорь Костолевский, но ничего не могу поделать... Я вижу Вестника, солдата, прошедшего через ад, видевшего то, что человек видеть не должен, и оттого ставшего чуждым этому миру. Он опасен, он вне всяких законов, и я его боюсь.

Мне кажется, что именно в России в силу недавних событий «Орестея» будет понята наиболее глубоко. Последствия войны, судьбы людей, прошедших ее и вернувшихся в свои дома, мучительное рождение нового порядка вещей — обо всем этом Эсхил написал свою трилогию. И мы видим, что человечество проходит через эти испытания вновь и вновь.

Мишель КУЛЬМАНН

«Орестея» — многослойное произведение, в котором политика и мораль увязаны в единое целое. Древние были мудры и не отделяли одно от другого. Трилогия названа по имени Ореста, первая часть — «Агамемнон» — как бы подготавливает его появление. Сердце «Орестеи» — вторая часть, «Хоэфоры», в которой Орест совершает свой выбор. Это история взросления, прохождения через ряд испытаний, в которых Орест формируется как человек и как политик. Его решение убить Клитемнестру вызвано не только чувством мести за смерть любимого и почитаемого отца, но и соображениями политической справедливости, торжества закона.

Эта пара — Клитемнестра и Орест, мать и сын — выдвигается на первый план, конфликт между ними исполнен кровотокающего трагизма, ибо каждый по-своему прав и обоих можно понять. Оба проходят испытание властью, обретая ее страшной ценой.

Однако в реальной жизни абсолютное большинство из нас не принадлежит к власти имущим и довольствуется ролью наблюдателей тех событий, которые в корне меняют нашу жизнь. Я также играю роль Корифея в хоре аргосских старцев, которые лишь комментируют события, мучительно переживая свое бессилие.

Я никогда не был в СССР, но это страна с величайшими культурными традициями и сложной, драматической историей. Я думаю, здесь «Орестея» будет звучать актуально.